

ТАОМАМ

Нолэрапон

Генри Лайон Олди

Нопэрапон

или

По образу и подобию

Япония XV века и Харьков века двадцатого. Легендарные актеры театра Но и наши с вами современники, искусство древних лицедеев и нынешние «бои без правил», кривые улочки Киото и неоновое разноцветье проспектов. Встреча с безликим существом на ночном кладбище и рекламка с удивительным лозунгом: «Ваша задача — выжить!» Юный актер Мотоёси, сын великого «Будды лицедеев», убивает деревянным мечом воровку-нопэрапон; Владимир Монахов, интеллигент-остеохондротик, убивает на коммерческом турнире бойца-американца; один человек становится зеркалом, другой — оружием, и Смерть идет по дороге к храму Чистых Вод.

В каждом сидит червь, желающий получить все даром и сразу. Но получая, мы перестаем быть людьми. Авторы исследуют в романе природу обыденного сознания, столкнувшегося с необъяснимым. Зачем мучиться, сомневаться, копать в себе? Нужно лишь слепо поверить очередному сенсационному объявлению. И ты становишься Мастером, Чудотворцем. Но за каждую сделку приходится дорого платить.

Оглавление

Генри Лайон Олди Нопэрапон или По образу и подобию

I. По образу и подобию

Свеча первая

II. Нопэрапон. Свеча первая

1

2

3

4

5

6

7

III. По образу и подобию. Олег

Дмитрий

Врач

Дмитрий

Врач

Дмитрий

IV. Нопэрапон. Свеча вторая

1

2

3

4

5

6

V. По образу и подобию. Олег

Дмитрий

Олег

Дмитрий

Олег

VI. Нопэрапон. Свеча третья

1

2

3
4
5
6
7
8

VII. По образу и подобию. Друг

Дмитрий

Олег

Просто Татьяна

Олег

VIII. Нопэрапон. Свеча четвертая

1

2

3

4

5

6

IX. По образу и подобию. Дмитрий

Олег

Бригадир

Олег

Дмитрий

Врач

Дмитрий

X. Нопэрапон. Свеча пятая

1

2

3

4

5

6

7

XI. По образу и подобию. Олег

Технология взрывного метаболя

Дмитрий

Большой босс

XII. Нопэрапон. Свеча шестая

1

2

3

4

XIII. По образу и подобию. Олег

Дмитрий

Монахов

Дмитрий

Олег

Дмитрий

XIV. Нопэрапон. Свеча седьмая

1

2

3

4

5

6

7

XV. По образу и подобию

Мужики

Олег

Дмитрий

Олег

Дмитрий

Олег

Дмитрий

Олег

Дмитрий

Олег

Дмитрий

XVI. Нопэрапон. Свеча восьмая

1

2

3

4

5

6

7

XVII. По образу и подобию

Все совпадения (несовпадения) встречающихся в этой книге имен и фамилий, а также событий, времен и географических названий с реально существующими являются умышленными (случайными)!

(Нужное подчеркнуть)

I. По образу и подобию

Двое сидят у стола.

Молчат.

Напротив, на включенном мониторе, окном в ночи светится незаконченный абзац; впрочем, он, этот абзац, вдобавок еще и неначатый.

«...и некий Ролан, но не тот Роланд, что упрямо шел к Темной Башне, а иной, сумасбродный француз, профессор истории и географии, вдобавок удостоившийся в 1982 году седьмого дана карате, — так вот, этот самый Ролан, хорошо помнящий лицо своего отца, однажды сказал:

— Легкий метод не удовлетворяет того, кто сохраняет чувство реальности; это было бы слишком удобно.

Впрочем...»

Двое сидят у стола.

Молчат.

На краешке стола ночной бабочкой, уставшей от жизни, трепыхается под сквозняком клетчатый листок бумаги.

Сплошь исписанный беглым, летящим, чужим почерком.

Красным карандашом внизу обведен отрывок; отрывок без начала и конца.

«...похожие приемы (нутром чую, хотя доказать не могу!) демонстрировал еще один широко известный дуэт писателей-фантастов. Писали нормальную книгу, потом отрывали начало и конец, все оставшееся перетасовывали, кое-что теряя при этом, а остаток сшивали в случайном порядке. Часто получалось здорово. То же, что не входило в книгу, потом использовалось в другой. Возникало

«зацепление», и из нескольких книг возникал удивительно объемный мир.

В данном случае с читателем поступили гуманнее. Хотя я знаю людей, которые не одолели и...»

Двое сидят у стола.

Молчат.

Перед ними — несколько страниц, распечатанных на струйном принтере.

Черные буквы на белой бумаге.

Слова, слова, слова...

Свеча первая

«Скорбный, пронзительный вскрик флейты из бамбука.

Словно птица, раненная стрелой влет, тенью мелькнула над гладью залива... ниже, еще ниже...

Упала...»

Двое сидят у стола.

Молчат.

Начало и конец, которые только и ждут, чтобы их оторвали и перетасовали, сидят рядом.

Молчат.

Но это ненадолго.

II. Нопэрапон. Свеча первая

Итак, обыкновенно к нашему искусству приступают в семь лет, если считать со дня зачатия, и в шесть полных лет со дня рождения на свет. При занятиях театром в эту пору в самих по себе возникающих действиях ребенка непременно заложен некий совершенный стиль...

Дзэами Дабуцу. «Предание о цветке стиля»

1

Скорбный, пронзительный вскрик флейты из бамбука.

Словно птица, раненная стрелой влет, тенью мелькнула над гладью залива... ниже, еще ниже...

Упала.

Рокот барабанчиков под умелыми пальцами.

Высокий резонирующий стук туго сплелся с сухими щелчками, и все это на фоне сдавленных, как стон умирающего воина, глухих раскатов... тише, еще тише...

Тишина.

Любуясь на вишни в цвету,
По горам кружу я...

Нога в белоснежном носке — высоком, до колена — двинулась по кипарисовым доскам пола. С пятки на носок, легко проскальзывая, прежде чем утвердиться на светлых, без единого пятнышка или пылинки, досках.

Так ходят монахи, безумцы и актеры.

Рука с веером, чьи пластины были изукрашены по алому фону огромными пионами цвета первого снега, совершила безукоризненный жест «Ночью в одиночестве люблюсь луной» — край веера мимолетно коснулся левого плеча и застыл, ожидая неторопливого поворота головы.

Костры вокруг помоста, за рядами безмолвствующих зрителей, дрогнули, бросили щедро отсветы на недвижимую фигуру.

Любуясь осенней луной,
По горам кружу я...

Снова флейта — на этот раз протяжно, тоскливо, вздрагивая всем телом нервной мелодии.

Барабаны молчали.

Тени бродили по белому лицу, по женской маске, вдруг ожившей в ночи, полной теней, звуков и напряженного внимания.

Голова запрокинулась, всплеснув прядями длинного, до пят, парика. Обилие света пламенем охватило маску, изменчивость наложилась на неизменность, и неживой лик на миг оживился ликованием.

Тени — волнующие, завораживающие.

Тени...

Смятение чувств.

Нога в белоснежном носке поднялась, притопнула. Одинокий звук, неожиданно гулкий из-за укрепленного под досками кувшина, не спеша побежал прочь, в темноту... дальше, еще дальше...

Исчез.

Как не бывало.

Любуясь на белый снег,
По горам кружу я...

Гортанный, растягивающий гласные голос давно уже был не столь силен, как в далекой молодости, когда с легкостью перекрывал шум взыскательной киотской публики, — но ведь и шум давно ушел в прошлое, став воспоминанием.

Пылью под ветром.

Зря, что ли, сказано в «Предании о цветке стиля»:

— После пятидесяти лет едва ли есть иной способ игры, кроме способа надеяния. Недаром говорят: «В старости единорог хуже осла!» И все же: коли являешь собой поистине мудрого мастера, цветок сохраняется в тебе, пусть даже ты теряешь многие и многие пьесы. Так, случается, не опадают цветы и с одряхлевшего дерева, почти лишённого веток и листьев...

Сейчас на представлениях Дзэами Дабуцу, Будды Лицедеев, шесть лет назад постригшегося в монахи, но

не оставившего сцену, — сейчас на редких спектаклях, где великий мастер, автор «Предания о цветке...», являл публике свое искусство, молчали.

Затаив дыхание.

С замиранием сердца.

Вслушиваясь в тихий плач хора:

Круг за кругом — и снова круг,
О, вращение без конца!
Слепая привязанность к земле,
Туча, темнящая лунный свет.
Пыль вожделений свилась клубком —
Так горная ведьма родилась.
Глядите, глядите на демонский лик!..

Ветер не выдержал, прошелестел в соснах на холме — там, далеко, за спинами зрителей, с трех сторон окруживших помост. И в ответ рябью пошла крона могучей, узловатой сосны на заднике, ожидая поддержки от изображения двух стволов бамбука, молодых и стройных, на правой стене близ «дверцы-невидимки».

Оттуда, из этой дверцы, появлялся служка в черном, когда требовалось незаметно поправить актеру парик или подать оброненный веер; но сейчас в службе не было надобности.

Спектакль «ха», зрелище «пяти вершин», близился к завершению.

Торжественное спокойствие «пьесы богов», трагедия «пьесы о судьбе воина», смиренность и созерцание «пьесы в парике», повести о горестях и превратностях любовной страсти; одержимость «пьесы о безумцах» — и, наконец, финал.

«Горная ведьма», феерия «пьесы о демонах».

Испытание мастерства.

Вечный, пряный искус.

Гора и снова гора,
Так круг за кругом...
В свой нескончаемый путь
Уходит ведьма.
Была здесь только сейчас
И вдруг — исчезла...

Долго затихал во мраке плач бамбуковой флейты-фуэ
... долго, ах, долго!.. тише, еще тише...

Все.

Занавес сомкнулся, укрыв от взглядов одинокую
фигуру.

— Эй, нальют мне, в конце концов, пива?! Живо!

Мотоеси, младший сын Будды Лицедеев, в растерянности поглядел на отца. Тот минутой раньше снял с себя маску и сейчас пристально вглядывался в деревянный лик, прежде чем спрятать маску в футляр. Больше никого в актерской уборной не было; если, конечно, не считать монаха лет тридцати с лишним, нагло вломившегося сюда из крытой галереи.

В руках монах держал огромный меч в красных ножнах, длиной едва ли не на локоть больше самого бритоголового смутьяна.

— Пива Безумному Облаку! Просяного пива, с шапкой пены!

— Дай святому инокку пива, — не отводя взгляда от маски, бросил великий Дзэами.

На коленях заскользив к кувшину, что стоял в углу уборной, Мотоеси поспешил наполнить кружку. Юноша уже имел честь сталкиваться с Безумным Облаком — по слухам, внебрачным сыном самого императора Го-Комацу, который год назад, уступив трон своему малолетнему племяннику, призвал Безумное Облако во дворец и с удовольствием отдался беседам о сути дзэн.

Кружку монах вылебал в один присест.

— Уф-ф-ф! — Довольно отдуваясь, он швырнул кружку обратно юноше, нимало не заботясь, поймает ее Мотоеси или нет. — Дрянное пивко! Но в полнолуние сойдет... Тесно мне, тесно! Слышишь, обезьяний пастырь?! Безумному Облаку тесно!

И в подтверждение своих слов он наугад ткнул рукоятью меча вперед, никого, впрочем, не задев и ничего не повредив.

Юный Мотоеси знал: меч — не меч. Просто бутафорская палка, годная лишь на то, чтобы разом переломиться после первого же сносного удара. Если бы еще Безумное Облако не возглашал на базарах и площадях десяти провинций, что таковы все нынешние святые — деревьяшки в яркой мишуре... «Ученики патриархов мусолят гнилые слова, — орал он во всю глотку, смущая народ, — а истина-то перешла к слепому ослу! Ха! Кацу!»

Связываться с известным скандалистом, в чьих жилах течет капля крови божественного микадо, властям не хотелось.

Вот и сходило с рук...

— Жди меня у костра, — без выражения отозвался Будда Лицедеев, аккуратно заворачивая маску в мягкую ткань. — Ты будешь один?

На «обезьяньего пастыря» старый актер ничуть не обиделся. Зря, что ли, его отец, Канъами Киецугу, блистая в трагедиях, был не менее великолепен в комических фарсах?! Да и собственно искусство театра Но выросло, как стебель из зерна, из представлений «саругаку», то есть «обезьяньих плясок»... Безумное Облако знал, что говорит, даже когда окружающим казалось: святой инок богохульствует, потешается или несет откровенную чушь!

— Ты будешь один? — повторил великий Дзэами, не дождавшись ответа.

— Нет. — Монах подошел к столику и встал за спиной великого Дзэами. — Я не люблю быть один. Я не умею быть один. Снаружи меня ждет Раскидай-Бубен, слепой гадатель. Ты его знаешь?

Будда Лицедеев кивнул.

Машинально кивнул и Мотоеси. Он тоже знал историю слепого гадателя, в прошлом — известного сказителя, мастера игры на цитре. Поговаривали, будто Раскидай-Бубна шесть ночей подряд приглашали на

кладбище Акамагасэки призраки-аристократы из сгинувшего рода Тайра — петить им сказание о гибели их дома. На седьмую ночь, когда слепцу грозила гибель от рук вконец распоясавшихся мертвецов, его спас не кто иной, как Безумное Облако. Монах покрыл все тело сказителя знаками священных сутр, и кладбищенский посланец не сумел утащить жертву с собой.

Правда, сознательно или нет, но Безумное Облако забыл украсить знаками уши Раскидай-Бубна, и в результате рвения мертвого гонца сказитель остался не только слепым, но и безухим.

Что ему впоследствии мешало мало, а досужие зеваки раскошеливались вдвое охотнее.

— Я его знаю. Я его знал еще с первого года эры Оэй, года Собаки, когда слепца все звали честным именем Хоити, вместо дурацкой клички Раскидай-Бубен.

— Я имел несчастье родиться в этот год. — Монах рыгнул и победительно оглядел уборную: кто пожелает мне триста лет здравствовать?!

— Да. Ты и еще Мотомаса, мой первенец и старший брат этого молокососа, который слушает твою болтовню, развесив уши до циновок.

Будда Лицедеев совсем уж было собрался спрятать маску в футляр, но узкая ладонь монаха легла ему на плечо.

Великий Дзэами помедлил и легкими, вкрадчивыми движениями развернул ткань, заново открывая взглядам деревянный лик.

Юноша вздрогнул и едва не вмешался, нарушая тем самым все устои сыновнего почтения. Маски были святыней труппы Кандзэдза (да и любой труппы театра Но!); их разрешалось брать в руки лишь актерам, и то пальцы могли прикасаться к маске только в тех местах, где в ушные отверстия продевались завязки; спрятанную маску можно было вновь извлечь на свет в случае нового спектакля или важной репетиции — не

более!.. Тысячерукая Каннон! Неужели безумие Безумного Облака заразно? Или просто отец не в силах отказать собрату по рясе, младшему по годам, но много старшему по просветлению сердца?!

В последнем юноша не был до конца уверен, хотя отец неоднократно заявлял об этом вслух.

— Сам вырезал? — спросил монах. — Я ведь помню, ты давно резьбой балуешься!..

— Нет. Мне еще рано. Это работа Тамуры-сэнсея, здешнего мастера. Он живет за селением, у подножия холма Трех Криптомерий. Тамура-сэнсей обещал мне к нынешнему приезду изготовить новую «Горную ведьму». Он говорил, что равной ей не было и не будет.

— Ты ему веришь, обезьяний пастырь?

— Я ему верю, Безумное Облако.

Монах задумчиво пожевал губами.

Сухими, бледными; не губы — шрамы.

— Я жду у костра, — повторил он. — Приходи, выпьем по чашечке саке, полюбуемся луной...

— Слепого гадателя ты тоже пригласил любоваться луной?

— Разумеется! Разве зрячий способен по достоинству оценить полнолуние?! Ты меня удивляешь, Будда всех бездарных шутов от заката до восхода! Кстати, Раскидай-Бубен просил тебе передать: на малом уровне «Прохождения Пути» твой флейтист запаздывает со вступлением. На четверть вдоха. Пучит его, что ли?!

И, не дожидаясь ответа, Безумное Облако неслышно выскользнул из уборной. Разве что снаружи, со стороны внутреннего двора, донесся вопль зазевавшегося служки — бедолаге досталось рукоятью бутафорского меча по загревку.

Случайно или намеренно — одна Каннон-Заступница ведает.

— Он считает, что эта маска — совершенство, — бросил великий Дзэами, глядя прямо перед собой, но

юноша сразу напрягся: отец обращался к нему, и только к нему. — Прекрасное мертвое совершенство, потому что совершенство только таким и бывает: прекрасным и мертвым. Он паясничает, в сотый раз спрашивая у меня: «Не моя ли это работа?» Ему очень хочется хоть краешком глаза взглянуть на новую «Горную ведьму», но он скорее откусит себе язык, чем скажет об этом вслух. Ты знаешь, Мотоеси, когда Безумное Облако был всего на четыре года младше тебя сегодняшнего, он пытался утопиться. Это случилось сразу после смерти его первого настоящего учителя, Старика-Скромника из обители близ озера Бива...

Юноша весь превратился в слух. Монах, чьи выходки потешали или приводили в ужас аристократов и простолюдинов, почтенных настоятелей храмов и девиц из веселых кварталов; поэт и художник, завсегда с кабаков и приятель контрабандистов, принц— бастард и мастер дзэн, назло хулителям вступивший в брак с отставной гейшей и родивший от нее сына, — этот «истинный человек» пытался свести счеты с жизнью?!

Быть не может!

— Да, Мотоеси, это именно так. Ему тогда казалось, что мир перевернулся и небо упало на землю. Ты даже не представляешь, какие страсти бродят в Безумном Облаке, прежде чем пролиться кипящим дождем... Молись, чтобы тебя миновала подобная участь! Впрочем, хвала Будде Амиде, тебя она и так миновала.

Юноша потупился.

Он знал, что имеет в виду отец; и меньше всего благодарил за это Будду Амиду.

Кто же благодарит за отнятое?!

— Отец! — вдруг решил он. — Отец, позвольте, я сбегаю к Тамуре-сэнсею за новой маской. Он знает меня в лицо, он не усомнится, что я послан вами! А деньги вы отдадите ему завтра... если боитесь отпустить меня

ночью со свертком монет! Мастер Тамура — человек благородной души, ему и в голову не придет...

— Ему-то не придет, — перебил великий Дзэами сына. — Ему не придет, но и мне не придет в голову гонять мальчишку по холмам на ночь глядя! И для чего?!

Чтобы обезьяний пастырь, Безумное Облако и слепой Раскидай-Бубен могли сравнить двух «Горных ведьм», любуясь полной луной и пропуская время от времени чарку-другую?! Глупости!

Но юноша прекрасно видел: в глазах отца, напоминающих прорези актерских масок, полыхают молодые зарницы.

Полнолуние, успешный спектакль, общество знатоков — и новая работа Тамуры-сэнсея...

Пир души!

— Позвольте! Отец, я на коленях молю вас! Через час я вернусь — и вы убедитесь: ваш младший сын годен не только столбы подпирать! Отец, пожалуйста!..

— Деньги в «Зеркальной комнате», в шкатулке черного лака, — сдаваясь, буркнул Будда Лицедеев, и теплый взгляд отца был юноше наградой. — Возьми десять ре... и будь осторожен. Я слышал от бродячего ронина, здесь лихие людишки пошаливают...

Великий Дзэами малость кривил душой.

Он отлично знал: ни один грабитель провинции Касуга и пальцем не тронет актера его трупы.

А тронет — жить ему впроголодь, ибо кто ж хоть лепешку продаст этакому варвару?!

...Безумное Облако проводил взглядом юношу, когда тот вихрем мчался мимо их костра.

Дальше, еще дальше...

Скрылся.

— Молодо-зелено! — Мелкие черты лица монаха сложились в гримасу, донельзя напоминающую маску

«духа ревности», только без надетого поверх парика. — Ох, сдаётся мне, нынче же ночью на могиле этого болтуна Шакья-Муни вырастет ещё один сорняк! Что скажешь, Раскидай-Бубен?

Слепой гадатель молчал, надвинув на лоб соломенную шляпу.

Правая рука слепца подбрасывала и ловила персиковую косточку с вырезанными на ней тремя знаками судьбы... подбрасывала, ловила, снова подбрасывала...

Все время выпадало одно и то же.
Неопределенность.

Цикады словно обезумели.

Луна, гейша высшего ранга «тайфу», блистала во мраке набеленным лицом, щедро рассыпая пудру по листве деревьев, — я вам, дескать, не какая-нибудь дешевая «лань» или даже «цветок сливы»! — и выщипанные брови были заново нарисованы под самым лбом.

Красота так красота!

Роса сверкала на стеблях травы россыпью жемчугов, за спиной подсвечивали небо багрянцем десятки костров, а хор кукушек в роще захлебывался мимолетностью земного счастья. Печален был шелест крыльев ночных птиц, когда они взлетали из черного, прорисованного тушью опытного каллиграфа ивняка в низине — так небрежная завитушка, оставленная кистью напоследок, меняет весь смысл иероглифа. В унисон шуршали листья бамбука, огромные мотыльки мимоходом касались лица, и мнилось: осталось только зарыдать флейте, не опоздав со вступлением даже на четверть вдоха, чтобы мир окончательно стал декорацией к «пьесе о безумцах».

Вдали, по левую руку, за кустами желтинника, виднелись невзрачные изгороди — сплетенные из бамбука, они огораживали уныние серых домов, на тесовой кровле которых лежал гравий. В свете луны он походил на только что выпавший снег, ослепительно белый. Вскоре потянулись пустыри, залитые водой, и наконец к дороге с двух сторон подступили поля колючего проса и луговины, сплошь покрытые высокими метелками дикого овса.

Соломенные сандалии юноши звонко шлепали оземь, а в душе Мотоеси волной нарастало ликование.

Сейчас, сейчас он доставит радость великому Дзэами, господину-отцу, чей ласковый взгляд превыше всех наград! Окружающее казалось предчувствием театральной кульминации, на каждой вершине сосны мерещился длинноносый *тэнгу*, некогда обучавший искусству фехтования героя Есицунэ; в каждой луже плескался пучеглазый *каппа* с темечком, полным воды, охраняя несметные сокровища; призраки былых красавиц водили хороводы вокруг магнолий, а каждый порыв ветра звучал храпом неистового божества *Сусаноо-но Микото*, победителя змея-восьмиглавца из Коси.

В то же время рассудок подсказывал юноше, родившемуся и выросшему в шумном, практичном Киото, резиденции сегунов: все это — лишь игра воспаленного воображения. В наш просвещенный век... увы, сверхъестественное осталось жить в легендах, в наивных рассказах простаков, в песнях сказителей, да еще на театральной сцене, где служит пробуждению смутного очарования в сердцах зрителей. Так, наверное, и должно быть — но почему грусть окутывает плечи светящимся облаком? Почему увлажняются глаза? Почему?!

Кто знает?

Стая ворон с оглушительным карканьем сорвалась с низкого неба, хлопьями пепла упав на просяное поле; и рука сама нащупала за поясом рукоять меча. Просто так, для успокоения. Страх не было, но ощущение шершавой рукояти под ладонью доставило удовольствие. Указом еще позапрошлого сегуна Есимицу из могущественного клана Асикага — отмены ждали со дня на день, но она задерживалась — актеры Но приравнивались к торговому сословию. А значит, им дозволялось ношение одного меча, в отличие от самураев, носителей двух клинков.

Юный Мотоеси улыбнулся.

Меч за его поясом был деревянным. В имуществе труппы имелось с полдюжины настоящих клинков, отнюдь не работы знаменитых оружейников древности, но вполне сносных как для спектаклей, так и для возможной защиты в пути. Но юноша взял с собой «меч слуги» — не хрупкую деревяшку, подобную игрушке Безумного Облака, а изделие из крепкой древесины, окованное медью. В умелых руках, в особенности если это были руки мастера, «меч слуги» дорогого стоил, позволяя лишней раз не отнимать жизнь у случайного бродяги... или иначе: в случае неудачи не слишком обозлить налетчиков.

Юноша улыбнулся еще раз.

Улыбка вышла горькой.

Его руки не были руками мастера, да и особо умелыми они тоже не были. Если не кривить душой, обманывая самого себя, и принимать реальность такой, какая она есть. Да, пользуясь дарованными привилегиями, в Киото по протекции отца он посещал вместе с другими молодыми актерами школу фехтования. Да, полным бездарем его назвать трудно — спасала молодость и полное сил, с детства подготовленное тело! — но ничего особо выдающегося из Мотоеси никогда не выйдет. Взгляд сэнсея «кэн-дзюцу», маленького, похожего на краба человечка, сперва был испытующим, потом — чуть-чуть раздраженным; и, наконец, в этом взгляде воцарилось полное отсутствие интереса.

Безмятежность равнодушия.

Маска «божественного старца».

Не будь юноша актером, он вовсе не заметил бы этих оттенков — похожий на краба сэнсей отличался мимикой каменных статуй храма Касумацу, и выразительность его взгляда была сродни взгляду куклы-неваляшки. Но Мотоеси все-таки был актером, младшим сыном великого Дзэами...

Третья усмешка горчила вдвое.

Мотомаса, старший брат юноши (много, много старший!..), к этому времени номинально числился руководителем беспокойной актерской братии; со дня отцова пострига он возглавлял труппу, исполняя главные роли с неизменным успехом; больше полудюжины пьес Мотомасы вошли в репертуар других трупп — и даже театры марионеток-дзерури не пренебрегали этими текстами, перерабатывая их, что называется, «под себя».

Старший брат готовился воспринять от родителя титул «великого», чего нельзя было сказать о младшем. Пускай юноше не доверяли ответственные роли демонов, одержимых и старцев, требующих от исполнителя жизненного опыта, — но молодые женщины, охваченные страстью! юные воины-аристократы! небесные феи!..

Увы, увы и трижды увы.

Мотоеси приходилось довольствоваться амплуа «второго спутника», в чьи обязанности входил краткий пересказ содержания пьесы, пока главный герой менял парик и готовился к следующему выходу.

А способности к фарсам у юноши отродясь не имелось.

Быть смешным — дар богов...

Взгляд строгого отца, взгляд Будды Лицедеев года полтора назад сменился с испытующего на чуть-чуть раздраженный; и юноша с содроганием ждал того дня, когда во взгляде Дзэами воцарится равнодушие.

Поэтому Мотоеси так трепетно относился к любой возможности доставить радость отцу.

Те, кого судьба наградила титулом посредственности, должны знать свое место.

Они должны, не ропща, дорожить малым.

Перейдя речку по шаткому мостику, юноша немного спустился вниз по течению, по песку отлогого речного берега.

Вскоре из ночи выступил мохнатый бок холма Трех Криптомерий, где обитал старый мастер масок.

Первая половина пути близилась к завершению.

Первая половина Пути.

4

— Тамура-сан! Это я, Мотоеси! Вы меня помните, Тамура-сан?! Отец просил...

Тишина.

Можно услышать, как трудятся древоточцы в перилах открытой веранды.

— Тамура-сан! Я принес деньги за новую маску! Я бежал, Тамура-сан, я сразу... сразу после представления... я спешил к вам...

Заскрипели ролики раздвижных *фусума*. Женская фигурка осторожно выглянула наружу; миг — и вот она оказалась на веранде. Лунный свет выбелил морщинистое старушечье личико, осыпал пылью поношенное кимоно на вате, скрывавшее щуплое тельце; хрупкие запястья выглянули из рукавов, изумленно всплеснув на ветру двумя выпавшими из гнезда птенцами.

Спектакль *«Аиои»*, сцена четвертая — выход духа сосны из Такасаго, воплощенного в пожилую женщину; реплика *«...и право, как верно, что сосну и дикий плющ уподобляют вечности!..»*

Но нет, реплика на сей раз была подана иная.

— Кто... кто здесь?

— Донна-сама! — Юноша не помнил, как зовут жену мастера масок, хотя сразу узнал ее в лицо; и поэтому предпочел банальное обращение «госпожа», годное в любых случаях. — Донна-сама! Тамура-сан еще не спит?

Женщина на веранде помедлила, прежде чем ответить.

— Нет... не спит...

Тихий, еле слышный голос; о сказанном приходится скорее догадываться, выбирать смысл из эха, шороха,